

В. Ропшин

**В тюрьме. Посмертный
рассказ**

Борис Ропшин

В тюрьме. Посмертный рассказ

«Public Domain»

Ропшин Б. В.

В тюрьме. Посмертный рассказ / Б. В. Ропшин — «Public Domain»,

© Ропшин Б. В.
© Public Domain

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
* * *	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Борис Викторович Савинков

В тюрьме. *Посмертный рассказ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Незадолго до своей трагичной смерти Б. Савинков окончил повесть, ныне предлагаемую вниманию читателя. Повесть можно было назвать не общим холодным названием «В тюрьме», а страшным клеймящим словом «Мразь», которое сам автор употребляет по отношению к своему герою. Бесконечной гадливостью проникнут был Савинков даже в тяжкие дни, которые он в то время переживал, к своим недавним единомышленникам и тем, на кого он вздумал опереться в своей ненависти на непонятную им великую мировую силу. Трудно сказать, имелись ли у Савинкова какие-нибудь конкретные наблюдения для создания типичной фигуры полковника Гвоздева, или эта фигура явилась сгустком многочисленных прежних встреч и воспоминаний, а сам факт – плодом озлобленной фантазии. Во всяком случае ясно, что Савинкову незачем было описывать полковника Гвоздева, если бы он считал, что это – отдельная пошлая личность. Нет, во всех прежних произведениях Савинкова, как и здесь, конечно, он преследует более широкую цель, – выводить типы, выводить символы. И в этом случае что означает рассказ «В тюрьме»? Его значение полностью сказывается в последних словах: «Гвоздев понял, что был арестован, лгал и убил Яголковского только из-за того, что боялся сознаться в своем ничтожестве, в ничтожестве „Синего Креста“. Это даже не совсем так по ходу рассказа, по ходу рассказа – Гвоздев вообще мразь как мразь, – он труслив, болтлив, лжив и от крайней трусливости способен на бессмысленное убийство, он непроходимо глуп и пошл, и из-за его глупой и пошлой лжи выглядывает, конечно, целая армия таких же Гвоздевых. Еще был бы какой-то социальный смысл и какой-то остаток социальной гордости, если бы человек „пострадал“ из-за нежелания признать ничтожество „Синего Креста“, но дело было не так. Сразу сознаться в ничтожестве этой организации и ничтожестве своей роли в ней Гвоздеву действительно не захотелось, а потом все пошло по глупой логике, ибо ведь, в самом деле, какое же человеческое достоинство может быть в том, что ради непризнания ничтожества организации „Синего Креста“ подлеишим образом наклеветать на целый ряд ни в чем не повинных и даже отчасти симпатичных Гвоздеву лиц. Все его поведение настолько лишено всякой тени чувства собственного достоинства или какой-нибудь идейности, что никак нельзя понять последних слов Савинкова как попытки психологического объяснения поведения его героя, желанием прикинуться значительным членом значительной организации.

Не в этом дело, и заключительную фразу повести надо понимать несколько глубже. Вообще все в Гвоздеве фальшь, несознательная и объективная фальшь. Ее-то Савинков и чувствует, ее-то он и стремится отразить в своем маленьком рассказе. Нет на самом деле никаких принципов, нет на самом деле никаких целей, нет никакой силы у организации, нет ровным счетом ничего. Есть тупая инерция, основанная на том, что большевики – разбойники и лжецы, и тупая инертная вера в какую-то Европу, которая поможет, – и за исключением этих выдумок все остальное сплошная дыра. Так же точно и в личном характере Гвоздева нет никакой последовательности. Художественно у Савинкова именно то, что поведение Гвоздева кажется реалистически допустимым в то время, как оно абсолютно нелепо. И вот это соединение правдолюбия и нелепости отраженным светом показывает нам всю беспредельную гнусность и пустоту Гвоздева. Нарисовавши такого химерического пошляка, Савинков без сомнения хотел сказать: вот кто они такие, вот кто они, в большинстве, эти белые, враги великой революции. Повторяю, надо было кипеть внутренней злобой против белых, чтобы написать эту вещь, далеко не лишённую художественной значительности.

Что касается большевиков, то они изображены здесь холодно и, так сказать, почтительно. Могут сказать, сидя в тюрьме у большевиков, мог ли Савинков относиться к ним иначе? Но это будет крайне поверхностное суждение. И здесь Савинков не изменяет известной художественной объективности, он ничего хорошего не говорит о Яголковском и его начальнике, он говорит, что эти люди сами очень много сидели в тюрьмах, сами очень много натерпелись в жизни, что они вносят в исполняемое ими дело не только суровость судебного долга хороших агентов какой бы то ни было власти, но некоторые особенности именно революционеров, прошедших через гонения и страдания и пришедших к власти ради этой, выстраданной долгими жертвами цели. Кто посмеет сказать, что это неправда и что в этом есть какое-нибудь искривление действительности?

Обстоятельства, сопровождавшие самоубийство Савинкова, известны мало. Быть может, причины, которые он высказал при этом, играли не столь исключительную роль, возможно, и какие-нибудь личные моменты, которые остались, а может быть, и навсегда останутся неизвестными широкой публике. Конечно, можно допустить, что Савинков, поняв призрачность дальнейшей борьбы с революцией, поняв, что фактически он пошел против всего, чему в меру своего понимания, но не без блеска, служил и что, принеся повинную голову революции, ожидал очень скорого изменения своей судьбы и предоставления ему той или иной более или менее ответственной работы, на которой он мог бы активно загладить сознannую им вину перед историей. Возможно, что долгий срок, протекший со времени процесса, и холодная сдержанность Советской власти на всякие запросы о перемене судьбы могли привести этого гордого и сильного человека в отчаяние. В самом деле, не гнить же всю жизнь в тюрьме человеку подобной активности и подобного бешеного самолюбия. Савинков мог перенести что угодно, но только не презрительное забвение: такого поворота он мог действительно панически испугаться. Но с другой стороны, Савинков был человек далеко не глупый и не без выдержки. Не может быть, чтоб он не понял всю законность недоверия к нему, не может быть, чтоб он не предполагал, что со временем все может измениться и повернуться таким образом, что та или другая роль в революционном строительстве может выпасть на его долю. Но я оставляю совершенно в стороне попытки разрешения этой загадки. Для меня ясно только одно. Всякий из нас не мог не быть огорченным смертью Савинкова и не потому, что нам жаль его персонально, человек тот был – не только по своим полубелогвардейским идеям последнего периода, но и по общему тону прежних своих мирозерцаний – какого-то фанатического терроризма, а потом какого-то декадентского оплевывания своей партии, очень несимпатичен нам и чужд, а дело в том, что Савинков мог бы быть чрезвычайно полезен. Это я говорил уже в своей первой статье о Савинкове непосредственно после ареста.

Савинков очень много видел и очень много знал. Не считая его первоклассным талантом, нельзя не признать, что у него было известное беллетристическое дарование. Дарование это высказалось в довольно тонкой наблюдательности и язвительной остроумности, что очень сказалось в его недавней статье о Чернове. В некоторой общей нервной чуткости, которая легко позволяет откликаться Савинкову на все стороны событий, наконец, в довольно напряженной, местами даже захватывающей форме его повествований. Обладая таким количеством опыта и таким недожинным пером, Савинков, несомненно, мог оказаться одним из интереснейших летописцев перипетий борьбы революции и контрреволюции.

Мы не знаем, что осталось как наследие Савинкова. Может быть, кроме маленького рассказа «В тюрьме», остались и другие рукописи. Во всяком случае, много томов интереснейших мемуаров, может быть, в художественной обработке унес с собою Савинков в могилу.

Рассказ «В тюрьме» не разочаровывает. Это, конечно, очень маленький очерк. Он не лишен серьезной значительности, но он еще раз показывает степень злобного презрения в отношении к своим недавним соратникам, душившего Савинкова, и дает лишние доказательства его литературной даровитости.

А. Луначарский

* * *

Внизу, во втором этаже, отчетливо раздались шаги. Полковник Гвоздев сел на койку, прислушался и начал считать: «Три... четыре... семь... девять...» Девять вперед, девять назад. Кто-то ходил по диагонали... «Новый жилец», – подумал полковник Гвоздев и стукнул несколько раз каблуком. Шаги прекратились. Он стукнул снова и подождал. Но снизу не отозвался никто, и опять стало одиноко и грустно. На секунду приоткрылся «глазок». В замке щелкнул ключ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.